

Глава 1

В которой у несчастного инспектора Лоньона уводят труп

Мегрэ зевнул и пододвинул бумаги к краю стола.

— Подписывайте, дети мои, и можете идти спать.

«Дети», трое настоящих громил, за последний год доставили криминальной полиции больше хлопот, чем все преступники, вместе взятые. Один, по кличке Дэдэ, вообще больше походил на гориллу, чем на человека, а самый щуплый в этой компании вполне мог бы зарабатывать на жизнь уличными боями. Сходство с ярмарочным бойцом дополнял налившийся под глазом синяк.

Жанвье передавал арестованным одну бумагу за другой и протягивал перо. Теперь, когда они наконец-то во всем сознались, никто из них даже не пытался спорить. Молча, не читая, они с угрюмым видом подписывали протоколы допроса.

На часах было три с минутами. Большая часть кабинетов на набережной Орфевр уже погрузилась во тьму. С улицы давно не доносилось ни звука, кроме далеких клаксонов такси да визга шин на мокром асфальте. Когда накануне Мегрэ и арестованные входили в этот кабинет, вокруг было почти так же тихо и пусто, потому что время только приближалось к девяти утра и большая часть служащих не успела прийти на работу. Но уже тогда шел тонкий нескончаемый дождь, так и не прекратившийся за все это время.

С тех пор минуло больше тридцати часов. Больше тридцати часов арестованные были заперты в этих стенах, иногда вместе, иногда порознь, а Мегрэ и пятеро его помощников, сменяя друг друга, вели бесконечный допрос.

— Болваны! — проворчал комиссар, едва увидев тройку преступников. — Это надолго.

Да, именно с такими болванами и приходилось возиться дольше всего. Они искренне считали, что, если упрямо молчать в ответ на все вопросы или отвечать что попало — пусть даже их показания противоречили друг другу, — все обойдется. Таким типам всегда казалось, что они умнее окружающих, и на их лицах читалось неприкрытое: «Как же, дамся я вам!»

В течение нескольких месяцев эти ребята промышляли в окрестностях улицы Лафайет, и в газетах их прозвали «буровых дел мастерами» за виртуозное умение проходить сквозь любые стены. В конце концов их удалось поймать благодаря анонимному телефонному звонку.

На дне чашек высыхали остатки кофе, на маленькой плите стоял эмалированный кофейник. У всех были усталые осунувшиеся лица, лоб и щеки приобрели землистый оттенок. Мегрэ за последние тридцать часов выкурил столько трубок, что у него саднило горло. Он собирался, как только арестованных уведут, предложить Жанвье сходить куда-нибудь съесть тарелочку лукового супа. Спать больше не хотелось. Последний приступ сонливости стал одолевать комиссара около одиннадцати вечера, и он отлучился с допроса на несколько минут, чтобы вздремнуть у себя в кабинете. А теперь сон как рукой сняло.

— Попроси Ваше, пусть нас подвезет.

Когда они уже были на пороге кабинета, зазвонил телефон. Мегрэ снял трубку и услышал:

— Эй, кто там, на проводе?

Комиссар нахмурился и не ответил.

— Жюссье, ты?

Так звали инспектора, который должен был дежурить этой ночью и которого Мегрэ отпустил в десять часов вечера.

— Нет. Мегрэ, — проворчал комиссар.

— Прошу прощения, господин комиссар. Это Раймон, из Центрального.

Звонили из другого здания. Там находилось огромное помещение, куда стекались все сигналы, поступавшие с дежурных пунктов. Как только разбивали стекло на любом из красных столбиков, расставленных почти по всему Парижу, в этом зале, на огромном табло, занимавшем целую стену, загоралась красная лампочка и дежурный втыкал штекер в телефонный коммутатор.

— Центральный дежурный полицейский участок слушает.

Это могла быть драка, или разбуянившийся пьяница, или полицейский на обходе, просивший помощи. Дежурный вставлял штекер:

— Участок на улице Гренель? Жюстен, ты? Машину на набережную, в район дома 210...

В Центральном пункте всю ночь дежурили два-три человека, и они тоже наверняка варили себе кофе. Порой, когда речь шла о серьезном преступлении, они предупреждали и криминальную полицию. А иногда звонили просто для того, чтобы пообщаться с коллегой с набережной Орфевр. Мегрэ был немного знаком с Раймоном.

— Жюссье ушел, — ответил комиссар. — Что-то важное?

— Только хотел предупредить, что на площади Винтимиль обнаружили труп молодой девушки.

— Еще что-нибудь?

— Наши люди из комиссариата второго квартала уже, наверное, на месте. Вызов поступил три минуты назад.

— Спасибо.

Трое громил вышли из кабинета. Вернулся Жанвье, из-за недосыпания выглядевший не самым лучшим образом: покрасневшие веки, щетина, несвежий, помятый вид.

Мегрэ натянул пальто, поискал шляпу.

— Идем?

Друг за другом они спустились по пустой лестнице. Обычно, чтобы поесть лукового супа, они отправлялись в Ле-Аль. Но оказавшись во дворе, перед выстроившимися в ряд маленькими черными машинами, Мегрэ заколебался.

— На площади Винтимиль только что обнаружили труп девушки, — задумчиво произнес он. И добавил так, словно искал повод, чтобы не ложиться спать: — Съездим?

Жанвье сел за руль одной из полицейских машин. Ехали молча, так как оба были слишком измотаны многочасовым допросом.

Мегрэ как-то не подумал, что второй квартал находился под юрисдикцией Лоньона, которого коллеги прозвали инспектором Мальграссё. Впрочем, даже если бы он и вспомнил об этом, вряд ли отказался бы от поездки. Ведь вовсе не обязательно именно Лоньон должен был дежурить сегодня на участке на улице Ларошфуко.

Мимо мелькали пустые мокрые улицы, тонкая взвесь, висящая в воздухе, окутывала белой мутной вуалью газовые фонари. Вдоль стен, крадучись, скользили силуэты редких прохожих. На углу улицы Монмартр и Больших бульваров еще было открыто кафе, чуть дальше мелькали разноцветными огнями вывески ночных клубов, неподалеку от которых в ожидании выстроились такси. Площадь Винтимиль, находившаяся в двух шагах от площади Бланш, казалась островком затишья посреди бурлящей ночной жизни Монмартра. Там уже стояла полицейская машина. Рядом с решеткой крошечного сквера пять или шесть человек окружили белеющее на тротуаре пятно.

Первым делом Мегрэ увидел щуплую невысокую фигуру Лоньона. Инспектор Мальграссё отделился от группы, чтобы посмотреть, кто приехал, и, в свою очередь, узнал Мегрэ и Жанвье.

— Катастрофа! — проворчал комиссар.

Лоньон, конечно же, немедленно решит, что они поступили так нарочно. Это был его квартал, его территория. И как раз во время его дежурства произошло убийство, которое, кто знает, могло бы дать ему

возможность наконец-то продвинуться по службе. Он столько лет этого ждал! И вот, всего несколько минут спустя, чередой случайных совпадений приводит на место преступления комиссара Мегрэ!

— Вам что, позвонили? — начал Лоньон, сразу же заподозрив, что против него устроили заговор.

— Я был на набережной. Позвонил Раймон. Вот, решил приехать, взглянуть.

Мегрэ, конечно, сочувствовал Лоньону, но не собирался в угоду ему и его обидчивой подозрительности уезжать, даже не узнав, в чем дело!

— Она мертва? — спросил он, указав на лежавшую на тротуаре женщину.

Лоньон кивнул. Рядом стояли трое полицейских в форме, неподалеку от них — семейная пара. Как позже узнал Мегрэ, именно они обнаружили тело и известили полицию. Если бы все это произошло буквально в сотне метров отсюда, вокруг уже толпилось бы немало народу. Но через площадь Винтимиль по ночам почти никто не ходил.

— Кто это?

— Неизвестно. Документов не обнаружено.

— И сумочки нет?

— Нет.

Мегрэ сделал три шага и наклонился. Девушка лежала на правом боку, щекой прижимаясь к мокрому тротуару. Одна нога у нее была разута.

— Туфлю не нашли?

Лоньон отрицательно покачал головой. Сквозь шелковый чулок были видны пальцы ног, и выглядело это странно. На девушке было вечернее платье из голубого атласа, и, возможно, из-за того, что она лежала на боку, казалось, что оно ей велико.

Лицо было совсем юным. Мегрэ подумал, что ей не больше двадцати лет.

— Врач?

— Ждем. Вот-вот подъедет.

Мегрэ повернулся к Жанвье.

— Свяжись с криминалистами, пусть пришлют фотографов.

Следов крови на платье не было. Комиссар одолжил у одного из полицейских карманный фонарик и осветил лицо убитой. Ему показалось, что ее глаз, который он мог видеть, слегка опух, так же как и губы.

— Пальто тоже нет? — поинтересовался Мегрэ.

Стоял март. На улице было довольно тепло, но не настолько, чтобы прогуливаться ночью под дождем в легком платье на узких бретельках, с голыми плечами.

— Наверное, она была убита в другом месте, — мрачно пробормотал Лоньон, всем своим видом показывая, что он лишь исполняет свой долг,

который заключается в том, чтобы помогать комиссару, а значит, никакой личной заинтересованности в этом деле он не имеет и иметь не может. Он вообще теперь выглядел отстраненно.

Жанвье отправился звонить в один из многочисленных баров на площади Бланш. Вскоре неподалеку остановилось такси: это прибыл местный врач.

— Доктор, можете взглянуть, но пока тело не сфотографировали, передвигать его нельзя. Вне всяких сомнений, она мертва.

Врач наклонился, тронул запястье, потом грудь, молча выпрямился и стал равнодушно ждать, как и остальные.

— Пошли? — спросила женщина, стоявшая под руку с мужем. Она начинала мерзнуть.

— Подожди немножко.

— Чего ждать-то?

— Не знаю. Они сейчас обязательно что-нибудь сделают.

Мегрэ повернулся к паре.

— Вы оставили ваши имена и адрес?

— Да, вот этому месье, — ответили они, указав на Лоньона.

— В котором часу вы обнаружили тело?

Супруги переглянулись.

— Мы вышли из кабаре в три часа.

— В пять минут четвертого, — поправила жена. — Я взглянула на наручные часики, пока ты надевал пальто.

— Неважно. Сюда мы дошли минуты за три-четыре и как раз собирались обогнуть площадь, когда я увидел светлое пятно на тротуаре.

— Она уже была мертва?

— Думаю, да. Она не двигалась.

— Вы не трогали ее?

Мужчина качнул головой.

— Я послал жену предупредить полицию. Неподалеку, на углу бульвара Клиши, как раз есть автомат для срочного вызова. Я знаю, потому что мы живем в двух шагах, на бульваре Батиньоль.

Вскоре вернулся Жанвье.

— Они придут через несколько минут, — объявил он.

— Моера, конечно, на месте не было?

Мегрэ казалось, он и сам не знал почему, что дело предстоит сложное и запутанное. Он ждал, стоя с трубкой в зубах, засунув руки в карманы, время от времени поглядывая на распростертое на тротуаре тело. Голубое платье было далеко не новым и изрядно поношенным, ткань — из самых дешевых. Такой наряд вполне могла бы носить одна из многочисленных танцовщиц, развлекающих публику в барах и клубах Мон-